

В.Х. БЕЛЕНЬКИЙ

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ**

БЕЛЕНЬКИЙ Владимир Хононович - доктор философских наук, профессор Государственного университета цветных металлов и золота (Красноярск).

Предлагаемое обозрение - попытка осмыслить состояние разработки в отечественной социологии проблем социальной структуры современного российского общества. Оно охватывает примерно 5 лет, в течение которых по вопросам социальной структуры издана огромная литература - плод работы представителей разных научных и идеологических направлений. В одной статье невозможно даже перечислить все написанное. Поэтому всячески себя ограничиваю и стремлюсь соединить краткость и содержательность изложения [1], опираясь на сопоставление двух теоретико-методологических подходов к анализу социальной структуры общества.

Один из них продемонстрирован в близких по духу статьях Л.А. Беляевой и И.П. Поповой. «В анализе проблем стратификации современной России важно отметить две ее существенные особенности. - пишет Л.А. Беляева. - Во-первых, динамичный характер социальной стратификации за последние пятнадцать лет, когда произошел переход от типа социальной структуры, где положение группы определялось местом в системе общественного производства и отношением к собственности, и в этом смысле была одномерна, к новому типу, где действует множество факторов и критериев, определяющих положение социальной группы и индивида в социальной стратификации (курсив мой. - В.Б.). Во-вторых, в современной России социальная стратификация еще полностью не сложилась: более-менее определилась лишь общая ее конфигурация. Российское общество может быть представлено как своего рода "коктейль" переходного состояния, где сосуществуют социальные страты, рожденные еще при социализме, и те, которые возникли в процессе рыночных реформ. Это позволяет думать, что релевантное представление о социальной стратификации современного общества можно получить только при использовании комплекса критериев, характеризующих в совокупности социальное пространство» [2]. Нельзя не одобрить стремление автора рассматривать как близкие - понятия "социальной структуры", "социальной стратификации" и "классового подхода, который сейчас наполняется новым для России содержанием". Однако в выделенных здесь категориях смешиваются два перехода - от социальной структуры советского общества к формирующейся структуре капиталистического общества и переход от объективного анализа социальной структуры к принципиально иному ее рассмотрению. Это смешение составляет одну из латентных интриг статьи Л.А. Беляевой: придерживаясь в целом субъективистского подхода, она постоянно допускает "прорывы" в объективный анализ. Почему, например, первый из пяти выделенных ею кластеров ("высокостатусные") отличается от остальных ("эксперты", "реалисты", новые бедные", "старые бедные") тем, что располагает властью и имеет более высокий уровень жизни? Почему для членов этого кластера характерны самые высокие оценки происходящих в России реформ? Потому что 64% среди них -предприниматели и менеджеры [3].

По мнению Л.А. Беляевой, материалистический подход к анализу социальной структуры одномерен и поэтому должен быть заменен. Но многомерность (не смешивать со всесторонностью!) не эквивалентна объективности. Последняя предполагает выделение социальных групп и слоев на основе объективных критериев, а не анкетных опросов и идеологизированных характеристик. Установив, какие элементы социальной структуры реально существуют, социологи могут как угодно, любыми адекватными научными методами изучать самые различные их черты, группировать членов и т.д. Л.А. Беляева предпочитает действовать едва ли не альтернативным образом: эмпирически нащупав удобные ("выигрышные") для сравнения признаки, выяснить с помощью опроса, насколько они присущи респондентам, сформировать кластеры, объявить их слоями и изучить ряд их характеристик. Чем кластеры однороднее, тем больше они походят на группы, существующие в обществе, а не в воображении социологов. Однако члены кластеров живут не как члены кластеров, а как горожане и сельчане, как капиталисты и рабочие, как интеллигенты и крестьяне. Не сводится ли многомерный анализ к одномерному? Нет. до этого дело не доходит. Искусство социологического плюрализма состоит в том, чтобы не только обнаруживать коктейли в обществе, но и создавать их в "кластерах". Поэтому все кластеры, кроме первого, представляют собой социальную крошку с более-менее широким диапазоном мнений, самооценок, самоидентификаций. Неважно, что они далеки от действительности. Как читателю журнала "Социологические исследования" мне приятно узнать, что не всякая работа устраивает респондентов, особенно имеющих высшее образование, что для большинства из них ценность работы гораздо значимей заработка. Но как читатель газет и вузовский профессор, к сожалению, знаю, что множество студентов хотят работать там, где выше заработок, а большинство после завершения учебы работают не по специальности. Впрочем, это, видимо, временные издержки процесса формирования "новой сертификационной модели общества и социокультурной дифференциации..." [4].

Что касается утверждения о том, что общая конфигурация социальной стратификации более-менее определилась, то здесь Беляева "уступает" некоторым другим представителям цеха социологов. В "Российской газете" 4 марта 2005 г. опубликованы результаты исследований, проведенных Институтом общественного проектирования и исследовательским центром РОМИР-мониторинг. Утверждается, что в нашем обществе уже сформировалась новая устойчивая структура. Оно уже не в лихорадке, не в поиске, оно утряслось. "И состоит не из нищих и олигархов", как мы (?) привыкли думать, а из "5 основных, четко очерченных... социальных групп". О степени четкости декларируемых представлений можно судить по такому факту: в заметке дается ряд подразделений респондентов, но ни одно из них не состоит из 5 групп! Сначала выделяются 7 групп: "белые воротнички" - управленцы, руководители, менеджеры (7,2%); интеллигенция (14,6%); "синие воротнички" - высококвалифицированная рабочая сила (18,9%); "серые воротнички" - низкоквалифицированная рабочая сила (14,8%); учащиеся (3,6%); неработающие, т.е. безработные + "дно общества" (9,7%) и пенсионеры (31,2%). Эти цифры не соответствуют официальной статистике и отражают данные проведенных указанными организациями опросов. Но не это главное. Чтобы "эти группы рассмотреть пристальнее с материальной точки зрения", т.е. по величине доходов, социологи далее начинают священнодействовать (сливать, разливать, отливать, смешивать) с 7-ю полученными социальными реагентами. А социальными колбами им служат якобы 5 "основных, четко очерченных... социальных групп". Почему якобы? Да потому что колб оказывается 6!

Первая группа - верхний класс. В ней - лишь часть "белых воротничков" (0,4%). Вторая группа - верхний средний класс (9,4%) - остатки "белых воротничков" и немного "синих". Специально подчеркивается, что высококвалифицированные рабочие (в России обнаружены рабочие!), а не интеллигенция попадают в верхние слои среднего класса. Точнее, их туда всовывают или вливают. "Средний средний класс" - таково название третьей группы (15,5%), куда включена часть интеллигенции и все те же "синие воротнички". Четвертая группа - верхний низший класс (19%). В нее слиты остатки интеллигенции, "синих воротничков" и учащиеся. Пятая группа - средний низший класс. Его доля составляет 24,5%. В этой страте находятся "серые воротнички" и неработающие. В низшем, шестом классе (по идее это "низший низший класс") оказались старичье-пенсионеры.

Сама терминология напоминает о западных теориях социальной структуры, но кардинально их искажает, не отражая ни в малой степени процессов, происходящих в России. По мнению наших коллег оказывается, что в России нет капиталистов, нет крестьянства, что социальный статус бомжей выше, чем социальный статус пенсионеров. Самые большие социальные группы российского общества, рабочий класс и интеллигенция, разбросаны ими по изобретенным классам. Новое слово в социологии - социологический сюрреализм!

Перейдем к проблеме среднего класса, которая имеет ряд аспектов: методологический, теоретический, идеологический. Кратко рассмотрим два первых.

Методологический аспект. Он весьма интересен, поскольку вскрывает особенности субъективистской социологии, широко распространившейся в России после 1991 г. Вся проблематика среднего класса пришла к нам с современного Запада, хотя о средних классах писали и Маркс, и Ленин [5]. Но многие российские политики и социологи подходят к данной проблеме совершенно иначе, нежели западные коллеги. Покажем это на ряде примеров.

Что такое средний класс? По мнению Маркса, средние классы стоят "посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой..." [6]. Это же утверждают и многие западные социологи [7]. Но не все. В российской социологии почти все ориентируются на "не всех". И.П. Попова осуществляет небольшой обзор различных точек зрения по рассматриваемой теме [8]. Из него следует, что вопрос о среднем классе часто ставится вне рамок социоструктурной проблематики. Средний класс - это нечто срединное, середина общества, которое без оной перестанет быть "невалашкой". Распространен библейский сюжет: средний класс - между богатыми и бедными. Утверждается, что "классические представления" о среднем классе, сложившиеся на Западе, социальной реальности России не соответствуют. Эта идея очень популярна. То есть у нас своя модель среднего класса [9]. Между прочим, она всюду своя. Достаточно взять в руки серьезные учебники по социологии, чтобы понять это. У Э. Гидденса структура среднего класса в Англии включает в себя три социальные категории населения, у Дж. Масиониса в США - две категории. Но у обоих средний класс граничит с высшим классом и с рабочим классом. Поэтому ему присущи тенденции и обуржуазившая, и пролетаризации. В России это никого не интересует, у нас основная проблема - "выращивание" среднего класса как образца постиндустриального общества» [10].

Каковы признаки среднего класса? Поскольку у многих российских социологов несуществующий средний класс существует в одиночестве, вопрос о его признаках не так-то прост. Чтобы его решить, нужна фантазия. Она есть, но не всегда качественна [11].

Выделим признаки критериальные и описательные. Первые позволяют установить, кого можно отнести к среднему классу, вторые - получить представление о его образе жизни, гражданской активности и т.п. Соответствующие показатели не лучшим образом используются и зарубежными учеными, но все же они стремятся к объективности критериальных признаков и к конкретному описанию жизни среднего класса. Например, Дж. Масионис, показывая средний класс, дает общую его характеристику: удельный вес среди населения, роль в развитии национальной культуры, расовое и этническое многообразие. Верхний слой среднего класса - более богатая его половина - имеет доход выше среднего - от 80 до 160 тыс. долларов в год. Он позволяет накапливать ценное имущество, иметь капиталовложения, хороший дом в весьма дорогом районе, несколько автомобилей. 2/3 детей из этого слоя заканчивают колледж и получают ученые степени. Многие делают успешную карьеру. Играют важную роль на местном политическом уровне. Остальная часть членов среднего класса составляет средний его слой. Он занимает центральное место в классовой структуре американского общества. Это "белые воротнички" (руководители среднего звена, школьные учителя, продавцы) или высококвалифицированные представители "синих воротничков" (строители-подрядчики и т.п.). Они имеют примерно средний для общества доход: 40-80 тыс. долларов в год. Накапливают в течение жизни небольшое состояние, главная составляющая которого - дом. Обычно заканчивают среднюю школу, только половина получает высшее образование, как правило, в недорогом колледже штата.

Что касается описания среднего класса, то оно дается в разделе **"Различия, порождаемые классами"** и касается здоровья, ценностей, политики, тендера и семьи, осуществляется на основе сравнения классов между собой [12].

В российском исследовании среднего класса, о котором рассказывает И.П. Попова, послышки совершенно иные. Прежде всего, критериальные и описательные признаки здесь перемешаны логически и фактически. Логически - потому что одни и те же признаки (материальное положение, характер труда, образование, самоидентификация) выступают в приведенной ею табл. 1 как критерии принадлежности к среднему классу и как критерии положения среднего класса. Фактически - потому, что, хотя всякий критерий относителен, социологи все же обязаны по возможности обеспечивать и (или) проверять его объективность. Вместо этого в рассматриваемом случае используется абсолютно субъективный критерий самоидентификации. Да и содержательная "начинка" других критериев - продукт опроса, субъективна. Читаешь Масиониса - и видишь два, к сожалению, не вполне четко очерченных процесса: выделение среднего класса, его слоев наряду с другими классами и их сравнительное описание. Читаешь И.П. Попову - и замечаешь, что в рассматриваемом ею исследовании эти два процесса поданы хаотично, смешаны, не говоря уж о качестве критериев. Среди них есть характер труда. Счастливый удел среднего класса - нефизический труд. А перед этим отмечается, что в его рядах - достаточно большая доля служащих и квалифицированных рабочих [13]. Но это не противоречит ни "выращиванию" среднего класса, ни тому, что почти все россияне готовы отнести себя к выращиваемому социальному продукту, как к уже существующему. Эта готовность - тоже продукт, продукт идеологической обработки.

Теоретический аспект. Средний класс нельзя рассматривать как "кошку, которая гуляет сама по себе". Если его формирование или существование вырвано из контекста социально-классовых отношений, то возникает ситуация, чреватая едва ли не теоретическим разрушением социальной структуры. От последней ничего не остается, кроме среднего класса и высшего, на исследование которого фактически наложено табу. Подтверждаются слова К. Маркса, писавшего, что средние классы "увеличивают устойчивость в силу верхних десяти тысяч" [14]. Это и ныне так. лишь "верхних" стало больше (но не много), а их устойчивость стали называть стабильностью общества...

Л.А. Беляева дает нечто вроде краткого обзора подходов к анализу социальной структуры общества в целом, а И.П. Попова, как уже отмечалось, - к проблеме среднего класса. Общей чертой названных ими концепций является открытое или молчаливое неприятие марксистской теории социальной структуры общества. Отказ от марксистской трактовки по-разному мотивируется. Но важно одно: выигрывает ли социология от такого отказа? На мой взгляд, нет. Вне марксистской парадигмы анализ социальной структуры приобретает эмпирический и, нередко, рецепционный характер с идеологическим подтекстом. Многих это устраивает. Но не таятся ли здесь риски для общества? К примеру. Л.А. Беляева, как и многие другие, констатирует, что наиболее продвинутые кластеры "моложе" менее продвинутых. Где же занята молодая часть респондентов? Лица до 45 лет составляют в "высокостатусном" слое и среди "реалистов" 64%. «Подавляющее большинство "высокостатусных" (67.2%) сосредоточено в частном секторе (включая акционерный). Здесь формируется так называемый "сервис-класс", включающий в себя менеджеров и работников интеллектуального труда, для которых отношения с работодателем построены на взаимном доверии и ориентации на общие коммерческие интересы. Почти 40% "реалистов" вовлечены в частный сектор, для которого в силу отраслевой специфики (торговля, обслуживание, строительство, ремонт и т.д.) уровень подготовки, располагаемый "реалистами" (в центре кластера среднее специальное образование), соответствует потребностям этого сектора. "Эксперты" и "новые бедные" в подавляющем большинстве заняты в государственном секторе, который остается пространством для социальных отраслей, научных и учебных учреждений, оборонных предприятий и т.п. Тот факт, что большинство "экспертов" и "новых бедных", обладающих высшим образованием, продолжают работать в рамках государственной собственности, демонстрирует, что характер и содержание работы на многих предприятиях частного сектора, а также емкость рынка труда в этом секторе не требуют пока значительной интервенции специалистов с высшим образованием» [15]. Между тем, лиц до 45 лет среди экспертов 55% и среди "но-

вых бедных" - 38,6%. Что же мы имеем в остатке? Что существует серьезная опасность расхождения судеб молодежи и интересов развития России [16], облагораживаемая эмпирическим многоголосьем.

Полный отказ от марксистской теории классов несостоятелен как в теоретическом, так и в политическом плане. В данной статье подробно аргументировать это положение не представляется возможным, но должен подчеркнуть, что те, кто отрицают наличие в России классов и классовых противоречий, упускают, кроме того, из виду следующее обстоятельство: в многонациональном обществе, где остры и, более того, обостряются социально-экономические противоречия, трудящиеся классы ослаблены, пассивны в политическом отношении, а их интересы замалчиваются, игнорируются, неизбежно обострение национальных противоречий. В этом одна из причин распада СССР. В этом причина "оранжевой революции". В этом угроза единству Российской Федерации.

Между тем отрицание реальных классов - наиболее распространенная идея российского обществоведения. Крупные философы и социологи не жалеют сил для такого отрицания. Вот аналитический доклад, авторы которого дают следующую характеристику социальной структуре нашего общества: оно «не сложилось как целостный структурированный организм, состоящий из социальных групп и слоев, сознающих свои интересы и готовых отстаивать их политическими (публичными) средствами. Исчезли понятия "рабочие" и "крестьяне", отодвинута на обочину интеллигенция, не сложился как самостоятельная общественная сила средний класс... Вместо это есть "богатые" и "бедные", "бюджетники" и "наемные работники", контрастно различающиеся по источнику и уровню финансирования их труда. Как социально целое нынешнее российское общество выступает лишь в периоды выборных баталий в роли электората...» [17].

В своих крайних проявлениях субъективистские концепции социальной структуры с присущими им противопоставлением стратификационного и классового подходов, подменой объективных классов субъективными, реальных классов виртуальными побуждают ряд исследователей, например, Ю.В. Арутюняна, к осторожности и сдержанности. Полагаю, что с этим в известной степени связана и разработка темы класса наемных работников [18]. Парадокс, однако, состоит в том, что эта тема по-своему подхвачена теоретиками марксистского толка.

Среди работ этого направления выделяется монография М.Н. Руткевича [19]. Дав глубокий анализ марксистского определения классов (глава 3), автор, к сожалению, не смог или не захотел применить результаты этого анализа для исследования социально-классовой структуры современного российского общества (глава 7). М.Н. Руткевич выделяет в нем два нечетко очерченных полюса. 1) меньшинство, включающее представителей крупного капитала и их окружение в лице высших управленцев частных компаний и государственных монополий вроде РАО ЕЭС и Газпрома, а также высшее чиновничество и примыкающую к тем и другим службу [20]; 2) большинство занятых в народном хозяйстве людей наемного труда [21]. Это большинство должно быть существенным образом дифференцировано в нескольких отношениях [22]. По какому же признаку выделяются три наиболее существенные группы людей наемного труда? Главным образом по уровню и формам оплаты труда [23]. Если это марксизм, то он удивительно напоминает немарксистские теории стратификации [24]. Фактически М.Н. Руткевич ничего не пишет о рабочем классе [25]. Он растворяет рабочий класс России в армии наемного труда, отставая на (теоретический) корпус от британских социологов, оперирующих понятием "рабочий класс", употребляемым в двух смыслах: 1) рабочие ручного труда (причем английские коллеги озабочены, можно ли, хотя бы для некоторых целей, включать в нее обычных беловоротничковых рабочих); 2) члены пролетариата, т.е. "все те, кто являются лицами наемного труда или наемными рабочими, не обладающими и не управляющими средствами производства. Во втором значении рабочий класс охватывает намного больше трудящегося населения" [26]. Так пишут социологи в Англии. Но в России отрицание рабочего класса, принижение его роли и т.п. стало среди марксистов настоящим поветрием. В.С. Семенов выставляет его в самом невыгодном свете. Рабочий класс обречен на стандартный, ординарный труд. Его удельный вес в большинстве развитых стран сокращается. "Конечно, пролетарии и сейчас есть. Но они реально не являются той самой массовой и активно действующей социально-политической силой, какой были при К. Марксе и

Ф. Энгельсе, при В.И. Ленине". Одновременно с развертыванием научно-технической революции нарастает интеллектуализация труда научного, инженерно-технического, поискового, по созданию новых технологий, управленческого, организаторского, в области информационных систем, ныне Интернета, СМИ, юридическо-правовых служб, психиатрии, лечения. В огромной степени повышается социальная, экономическая, государственная роль интеллектуалов, различных групп интеллигенции. На исходе XX века интеллектуалы и интеллигенция стали наиболее передовой, массовой, влиятельной и решающей силой в составе всей наемной армии труда. Сейчас рабочие и интеллигенция совместно выступают массовой и активной социально-политической силой, нередко при большей роли инженерно-технических работников, других групп интеллигенции (ученых, учителей, врачей, как в последнее время в России) [27]. Идеи такого рода бездоказательны, но распространяются все шире [28]. Доктор технических наук И.Г. Абрамсон считает, что если передовым отрядом пролетариата до середины XX в. являлся индустриальный рабочий класс, то ныне на роль авангарда законно претендуют и это исторически ответственное место занимают научные и инженерно-технические работники сферы высоких технологий. Естественно, что тогда основное внимание революционеров-марксистов обращалось на работу с пролетариатом крупных предприятий индустриальных центров, а сегодня научно-технические и инженерно-технические работники должны занять ведущие позиции перед новыми решительными схватками с мировым капиталом [29]. Даже если нечто подобное имеет место, то надо выяснить разницу между "должны занять" а "занимают". Разумеется, таких взглядов придерживаются не все исследователи рабочего класса. Так, профессор М.И. Воейков считает неосмотрительной подмену рабочего класса всем классом трудящихся в качестве наемных работников [30]. Однако это верное положение он сопровождает целым рядом ошибочных. Общеизвестно, к примеру, что пролетариат -более широкое понятие, чем рабочий класс. В условиях капитализма представители рабочего класса не могут не быть пролетариями. У Воейкова это возможно. Потому что есть представители физического труда, которых девать некуда. Таковы люди, занятые индивидуальной трудовой деятельностью. Зачем же относить их к рабочим? Затем, что они, как и рабочие, заняты рутинным физическим трудом в сфере материального производства. Поразительны и логика автора, и клеймение физического труда рутиной.

Особенно интересен вопрос о членах кооперативов, не применяющих наемного труда. Это рабочие или нет? Маркс ответил на этот вопрос еще в "Капитале". По отношению к рабочим, занятым на кооперативных предприятиях, он употреблял изредка понятие "ассоциация", но подчеркивал принципиальное отличие этой ассоциации от будущей: в последней рабочие будут ассоциированы как производители, как работники; в рамках же кооперативной фабрики в буржуазном обществе они ассоциированы как капиталист по отношению к самим себе - неассоциированным рабочим [31].

Перечень недостатков и шатаний "левых" аналитиков социальной структуры общества можно продолжить. Многие из них совершенно не касаются темы крестьянства как класса, вносят "вклад" в дальнейшее запутывание проблем российской интеллигенции, слабо разрабатывают вопросы, связанные с мелкой буржуазией и т.д. Полагаю, однако, что гораздо важнее хотя бы затронуть причины неудовлетворительного состояния марксистских исследований социальной структуры. В их числе: во-первых, методологический произвол, выражающийся, к примеру, в использовании одних и игнорировании других законов и принципов материалистической диалектики: во-вторых, низкий уровень интерпретации и развития марксистской теории, которые нередко грешат догматизмом и эклектизмом. Плохое состояние теоретической работы в России марксистами не преодолено, и это, прежде всего, касается социоструктурной тематики. Бросается в глаза многолетняя растерянность перед фактом пассивности рабочего класса; в-третьих, игнорирование специфики социальной структуры российского общества, связанной с длительным социалистическим периодом и уникальным переходом от социализма к капитализму. Особенно катастрофическое значение имело то, что марксисты совершенно "не заметили" такой элемент социальной структуры российского общества, как трудовые коллективы. И.Г. Абрамсон очарован развитием самоуправленческих предприятий на Западе. Он говорит: это система предприятий с коллективной (!) собственностью (ESOP), и система в Мондрагоне [32]. Но наработан уже и собственный самоуправленческий опыт (фёдоровские научно-производствен-

ные комплексы и т.п.). "Это социалистические острова в капиталистическом океане. Они не только прививают так необходимые навыки самоуправления, формируя менталитет труженика-коллективиста, работающего на свою ассоциацию, а тем самым и на себя. Они закаляют тружеников в борьбе за существование этих производственных и трудовых самоуправляемых ассоциаций и, таким образом, помогают наращивать боевые политические мышцы". Я далек от мысли недооценивать западный опыт кооперативного движения, но не могут не возмущать люди и партии, которые пренебрегли не только опытом, но и мощью отечественных трудовых коллективов, способствуя разрушению до основания рабочего движения; в-четвертых, явная недооценка теоретического наследия В.И. Ленина, в вопросах крестьянства, о соотношении рабочего класса и интеллигенции и др.

Из сказанного следует, что эскалация субъективистских воззрений на социальную структуру общества в России коренится не только в господстве буржуазной идеологии, которая оказывает несомненное воздействие на исследования социальной структуры общества. Есть все основания считать, что эта эскалация отражает и низкое качество работ марксистов в данной области. А чтобы это качество поднять, требует очень многое. Необходимо, в частности, развернуть теоретические исследования по вопросам труда, исторического выбора России и возможных путей ее развития, по функциональным и социальным проблемам интеллигенции и ее будущего. Надо не перепевать без конца тему "класса в себе" - "класса для себя", а поставить и решить ряд злободневных вопросов, в частности, следующих.

Многие наши теоретики считают, что в России начала нынешнего столетия большинство трудящихся не доросло еще не только до классового, но даже тред-юнионистского сознания. Не означает ли это, что теоретики предъявляют к трудящимся, прежде всего к сегодняшнему рабочему классу, требования конца XIX - начала XX в.? С тех пор много воды утекло, причем качество этой воды кардинально изменилось. Многие полагают, что российский рабочий класс еще молод. Можно ли считать молодым класс, которому более 100 лет и который прошел три революции, длительный период социалистического строительства и оказался в обществе формирующегося капитализма? Не следует ли предположить, что российский рабочий класс резко отличается от рабочего класса большинства других стран и что классические, с точки зрения догматиков, подходы к нему обречены на провал? [33]. И не возможно ли, что сами задачи, стоящие перед силами прогресса, кардинально изменились по сравнению с задачами столетней давности? Кто разобрался и разъяснил рабочему классу, в чем состоят его действительные интересы, особенно ближайшие? Кто использовал доставшуюся в наследство от советской поры объективную форму организации трудящихся, трудовые коллективы, и можно ли сказать, что российский рабочий класс, крестьянство, интеллигенция субъективно организованы?

Таким образом, разработка сложной и важной проблемы социальной структуры общества ведется в России с разных теоретических и методологических позиций и вряд ли может быть признана удовлетворительной. Не следует ли осмыслить этот факт и попытаться сообща переломить сложившуюся ситуацию в интересах исследования социальной структуры российского общества?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. К счастью, некоторые обстоятельства способствуют этому. Так, в Социол. исслед. (2005. № 12) появились статьи Л.А. Беляевой и И.П. Поповой, во многом облегчившие решение стоящих передо мной задач. Ряд моих статей в этом же журнале (Рабочий класс как объект социологического анализа 2003. № 1: Еще раз об интеллигенции // 2004. № 4; Класс наемных работников или рабочий класс? // 2005. № 3; Социологические заметки о путешествии во времени // Социол. исслед. (2005. № 8) содержат положения, на которые я опираюсь, стараясь не повторять их. Вообще же именно публикации в Социол. исслед. содержат ту информацию, которая будет анализироваться мной прежде всего. В этой связи хочу назвать авторов, чьи публикации произвели на меня наиболее благоприятное впечатление: 2001 г.: Кармадонов О.А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) // № 1; Максимов Б.И. Классовый конфликт на Выборгском ЦБК: наблюдения и анализ // № 1; Левичева В.Ф. Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // № 2; Петров Ю.Л. Проблема интеллигентности в понимании студентов // № 2. 2002 г. Трушков В.В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // № 2; Култыгин В.П. Исследования социальной структуры в переходных обществах // № 4. 2003 г.: Балабанов А.С., Балаба-

- нова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // № 7: 2004 г.: Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Поли- и монозанятое в российском обществе: социально-структурный анализ // № 2; Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // № 10; 2005 г.: Олейник Н.П. Возможен ли "средний класс" в сельских поселениях? Региональный срез // № 4; Лей-бович О.Л., Шушкова Н.В. Промышленные рабочие на уральском заводе // № 6; Бессокирная Г.П. Стратегия выживания рабочих // № 9; Темницкий А.Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное // № 9. В большинстве отмеченных публикаций обобщены материалы эмпирических исследований.
2. Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социол. исслед. 2005. № 12. С. 57-58.
 3. Нельзя не обратить внимания на то, что среди респондентов, задействованных в опросе 2002 г., имели высшее образование 37%, а по переписи 2002 г., по моим подсчетам, удельный вес граждан с высшим образованием составлял 15,9%. См.: <http://www.gks.ru/PEREPIIS/report.htm>. Кроме того, наблюдается тенденция расширения рамок молодежного возраста до 45 лет.
 4. Беляева Л.А. Цит. статья. С. 64.
 5. Разумеется, они писали не так, как пишут сейчас, хотя Маркс прогнозировал рост средних классов, повышение уровня их жизни и высказал немало ценных идей о природе этих классов. Тем не менее, широко распространено мнение о том, что марксисты не имели своей концепции среднего класса (см., к примеру: Большой толковый социологический словарь / Пер. с англ. М., 1999. Т. 2. С. 283). В.С. Семенов имел все основания не согласиться с этой точкой зрения (Семенов В.С. Теория классов и классовая борьба // "Капитал" Маркса, философия и современность. М., 1968).
 6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 636.
 7. Таково утверждение британских социологов: "Средний (е) класс (ы) - профессиональная группа неручного труда, расположенная между высшим и рабочим классом". Большой толковый социологический словарь. Т. 2. С. 282.
 8. Попова И.П. Средние слои, средний класс в российском обществе - к проблеме соотношения // Социол. исслед. 2005. № 12. С. 65-66.
 9. Этим оправдываются всяческие вседозволенности в трактовке среднего класса, любой теоретический произвол отступления от логики, маскируемые в научной и особенно в пропагандистской печати.
 10. Попова И.П. Цит. статья. С. 67.
 11. Пример весьма спорной теории - концепция сетевого информационного общества, в котором будет господствовать нетократия (Зуев А.Г., Мясникова Л.А. Нетократия. Стратегические противоречия сетевого информационного общества // Свободная мысль. 2005. № 9). Авторы пишут: «Терминология страт (классов) сетевого информационного общества еще не установилась, так как само формирование таких страт и самого этого общества находится в инкубационном периоде. Будем использовать терминологию Шведской экономической школы. Высший класс представлен нетократией, состоящей из кураторов сетей, мыслителей-этерналистов (от англ. слова eternal - "вечность", термин призван подчеркнуть бесконечность процесса становления) и нексиалистов (от лат. pexus - "связь", "соединение"). С одной стороны, нетократия разделена конкурирующими эксклюзивными знаниями и информацией сетями, которые возглавляют и контролируют кураторы, а с другой - объединена сетью единого кураториата, осуществляющего сетевое управление миром и полицейский контроль. В российской литературе представители креативной сетевой элиты иногда называются "люди воздуха", сама эта элита - "эфирократия", а сетевые конгломераты "людей воздуха" — "амбициозные корпорации" (АК). Этерналисты - аналитики призваны формулировать стратегии и знания (философия общества), которые кураторы используют в практической деятельности. Нексиалисты, базируясь на достижениях этерналистов, осуществляют внутри- и межсетевую предпринимательскую деятельность в интересах нетократии. Низший класс, существование которого нетократия отрицает так же, как буржуазия отрицала существование в качестве низшего класса пролетариата, представлен консьюмтариатом (от англ. consumer proletariat — пролетариат потребителей). В состав этого же класса фактически попадают и капиталисты, занятые традиционным производством-распределением. Можно говорить о том, что капитализм с его отношениями спроса-предложения и производства-потребления "опускает" сетевое информационное общество на низший этаж общественной пирамиды" (С. 6). Эти взгляды резко высмеяны в том же журнале (Лоскутов В.И. Пугало "нетократии" // Свободная мысль. 2005. № 11): «Взятое отвлеченно как чистая спекуляция, "учение мобилизма" (мобилизм - направление социофилософской мысли сетевого информационного общества. - В.Б.) не вызывает возражений - мало ли какие идеи приходят на досуге сытым людям в голову? Но как учение об организации общества, следующего за капитализмом, его иначе как дебилизмом назвать трудно» (С. 197).
 12. Мационис Дж. Социология / Пер. с англ. СПб., 2004. С. 376. 378-381.
 13. Попова И.П. Цит. статья. С. 68. 69: Газетные доводы на сей счет (Известия. 2006. 13 января) не убедительны.
 14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 206.
 15. Беляева Л.А. Цит. статья. С. 63-64.
 16. Мне уже приходилось касаться этой темы. См.: Беленький В.Х. Класс наемных работников или рабочий класс? // Социол. исслед. 2005. № 3. С. 132.

17. О стратегии российского развития: Аналитический доклад / под ред. В.И. Толстых. М., 2003. С. 40. Эти взгляды "углублены" ВТ. Федотовой (Политический класс, население и территория // Свободная мысль. 2004. № 2). Критику статьи см. Беленький В.Х. Проблемы современной российской интеллигенции. Опыт социологического анализа. Красноярск. 2005. С. 135-138.
18. Этим вопросом посвящена упомянутая статья: Беленький В.Х. Класс наемных работников или рабочий класс? // Социол. исслед. 2005. № 3.
19. Руткевич М.Н. Социальная структура. В книге много интересных и плодотворных идей и положений, но у меня она вызвала гораздо более сдержанную реакцию, чем у В.В. Трушкова (Общество, в котором жили. Общество, в котором живем // Социол. исслед. 2005. № 10) и Р. Лившица (Российский социум: портрет без ретуши // Свободная мысль. 2005. № 7). Подробный ее анализ здесь невозможен.
20. Руткевич М.Н. Указ. соч. С. 206.
21. Там же. С. 201.
22. Едва ли не все, кто пишет о классе наемных работников или о наемных работниках как о чем-то полярном высшему классу, настойчиво продвигают идею их дифференциации. У З.Т. Голенковой этот "класс" превышает 92% населения.
23. Руткевич М.Н. пишет, что понятие "класс" широко используется в западной литературе в самых различных смыслах. Наиболее употребителен этот термин для обозначения слоев с разным уровнем доходов. Такое членение воспринято некоторыми в современной отечественной социологической литературе, а также в политической публицистике (С. 90).
24. Автор прав, не отбрасывая идею социальной стратификации, подчеркивая ее важность и полезность. Она действительно не противоречит марксистской теории классов и классовой борьбы (С. 92). Следует, однако, иметь в виду, что многие сторонники этой идеи являются принципиальными противниками марксистской теории классов.
25. Сопоставив это с утверждением, что социальная структура у нас уже сложилась (С. 206) и страна стала капиталистической, получаем, что возможен капитализм без рабочего класса. Весьма творческий марксизм!
26. Большой толковый социологический словарь. Т. 2. С. 118.
27. Семенов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век: (социально-философский анализ и прогноз). М., 2000. Гл. 2. § 1, 3. М. Фуко не был марксистом, но был реалистом и поэтому писал не об авангардной роли интеллектуалов, а о сближении их с массами, т.е. с пролетариатом и крестьянством (Фуко М. Интеллектуал в законе // НГ. 2002. 3 октября).
28. Не считаю возможным поддаваться ажиотажному отношению к тенденциям замены физического труда умственным и тем более, уничтожению первого. Даже в наиболее развитых странах все обстоит гораздо сложнее, чем это часто представляют. Так, горячий пропагандист преимуществ интеллектуального труда, Друкер, констатирует, что производительность физического труда менее чем за столетие выросла в 50 раз, что умственный труд, включая клерков и т.п. работников, составляет в США около 2/5 рабочей силы, а в других странах меньше (Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке: Пер. с англ.: М., 2004. С. 183, 190). Все еще велик удельный вес рабочего класса среди населения, а в развивающихся странах он быстро растет. В России все эти процессы происходят и будут происходить в весьма своеобразной форме. Л.А. Беляева гораздо сдержанней и обоснованней, чем В.С. Семенов, оценивает успехи большинства населения России и квалифицированной его части, которые выключены из инновационного процесса {Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социал. исслед. 2005. № 12. С. 57}.
29. <http://www.rpk.len.ru/bin/SovSocStructRu.html>.
30. Воейков М.И. Рабочий вопрос в России: начало и конец XX века // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 19-20. Конечно, это положение не следует доводить до абсурда и считать, что кооперативные, коллективные, групповые предприятия в современном капиталистическом обществе - пустячок.
32. "Мондрагон" - не населенный пункт, а название объединения. Причем он остается "щепкой в капиталистическом мире" (Белоцерковский В.В. Путешествие в будущее и обратно: Повесть жизни и идей. М., 2003. С. 373). ESOP - не коллективная собственность, а собственность работников, специфическая форма частнокапиталистического производства.
33. Факты показывают, что попытки поставить проблему рабочего класса по-новому в некоторых случаях наталкиваются на теоретическую глухоту "левых" политиков и теоретиков.